

RU

Репрезентация лексической категории «украшения и аксессуары» в русской и чувашской языковых картинах мира

Григорьева Е. А.

Аннотация. Цель исследования – выявление универсальных и национально-культурных особенностей репрезентации «одежного» кода в русской и чувашской языковых картинах мира путем сравнительно-сопоставительного семантического анализа лексем, фразеологических оборотов, составляющих лексическую категорию «украшения и аксессуары». В рамках данной категории особое внимание было уделено лексемам «пояс» (чув. пиçиххи), «ремень» (чув. чён), «бусы» (чув. шăрça), «кольцо» (чув. çĕрĕ), «лента» (чув. хăю). Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые на материале русского и чувашского языков реконструирован центральный компонент фрагмента «одежда» – украшения и аксессуары, – определены типы межъязыковых отношений между русскими и соответствующими им чувашскими лексемами. В результате исследования установлено, что лексемы, называющие украшения и аксессуары, занимают первостепенное место в репрезентации аксиологически окрашенных установок и получают различное метафорическое наполнение в рамках изучаемых культур. Межъязыковые отношения между анализируемыми в статье лексемами главным образом строятся по принципу пересечения – частичного совпадения переносных значений и ассоциативно-образных рядов. Вместе с тем русская лексема «лента» и чувашская лексема «шăрça» (рус. бусы) обладают интерпретационным потенциалом только в одном из сравниваемых языков, что свидетельствует о таком типе межъязыковых отношений, как лакунарность.

EN

Representation of the lexical category “jewelry and accessories” in the Russian and Chuvash linguistic worldviews

E. A. Grigorieva

Abstract. The study aims to identify universal and national-cultural features of the representation of the “clothing” code in the Russian and Chuvash linguistic worldviews through a comparative semantic analysis of lexemes and phraseological units that make up the lexical category “jewelry and accessories”. Within this category, special attention was paid to the lexemes denoting “belt” (Russian: пояс; Chuvash: пиçиххи), “strap” (Russian: ремень; Chuvash: чён), “beads” (Russian: бусы; Chuvash: шăрça), “ring” (Russian: кольцо; Chuvash: çĕрĕ), “ribbon” (Russian: лента; Chuvash: хăю). The scientific novelty of the study lies in the fact that it reconstructs, for the first time on the material of Russian and Chuvash languages, the central component of the fragment “clothing” – jewelry and accessories – and determines the types of interlingual relations between Russian and corresponding Chuvash lexemes. The study found that lexemes denoting jewelry and accessories occupy a primary place in the representation of axiologically colored attitudes and receive different metaphorical content within the cultures under study. Interlingual relations between the lexemes analyzed in the article are mainly built on the principle of intersection – partial coincidence of figurative meanings and associative-imagery series. At the same time, the Russian lexeme “лента” (ribbon) and the Chuvash lexeme “шăрça” (Russian: beads) have interpretive potential only in one of the compared languages, which indicates such a type of interlingual relation as lacunarity.

Введение

Настоящее исследование выполнено на стыке активно развивающихся лингвистических дисциплин синтезирующего типа – лингвокультурологии и когнитивной лингвистики – и посвящено выявлению особенностей репрезентации «одежного» кода в русской и чувашской языковых картинах мира путем сравнительно-сопоставительного семантического анализа лексем, фразеологических оборотов, составляющих лексическую категорию «украшения и аксессуары».

В определении лексической категории мы солидарны с Н. Н. Болдыревым, считавшим, что «категории как классы языковых объектов с общими концептуальными характеристиками приобретают характер особых форматов знания, выполняющих специфическую роль в организации и оперативном использовании знаний о мире, о языке как части мира, о способах их обработки и интерпретации человеком» (Болдырев, 2006, с. 6).

Актуальность работы обусловлена тенденциями в развитии современной антропоцентрической лингвистики, выражающимися в фокусировании научного интереса на проблеме реконструкции национальных языковых картин мира путем изучения семантики языковых единиц. Особенно значимыми при этом оказываются сравнительно-сопоставительные исследования, поскольку именно в них выявляются яркие национально-специфические особенности языковой концептуализации и категоризации действительности.

Русские и чувашские лексемы, называющие украшения и аксессуары, содержат в своем семантическом пространстве не только прямое (языковое) значение, но и культурно обусловленную информацию, раскрывающую ценности, идеалы и представления народов. Данный факт позволяет причислить анализируемые в настоящей статье лексемы к числу лингвокультурем (Воробьев, 2006), изучение семантического потенциала которых оказывается особенно важным при построении межкультурной коммуникации в современном полиэтническом мире.

В соответствии с поставленной целью сформулированы следующие задачи: отобрать русские и чувашские языковые единицы, входящие в лексическую категорию «украшения и аксессуары»; охарактеризовать понятийные, ассоциативно-образные и коннотативные компоненты отобранных языковых единиц; описать специфику репрезентации русских и чувашских лексем, определяя типы межъязыковых отношений между ними.

При решении задач исследования использованы следующие методы: метод сплошной выборки языковых примеров, применявшийся в процессе сбора фактического материала; метод анализа словарных дефиниций для обнаружения дифференциальных, потенциальных сем, значимых для создания вторичных смыслов; метод контекстологического анализа, позволивший выявить особенности языковой репрезентации лексем в контекстуальных фрагментах фольклорного дискурса; сопоставительный метод, использовавшийся для сравнительно-сопоставительного исследования семантики русских и чувашских лексем с последующим выявлением универсальных и национально-культурных особенностей репрезентации лексической категории «украшения и аксессуары».

Материалом для исследования послужили языковые примеры объемом более 300 единиц, извлеченные методом сплошной выборки из толковых, диалектных, фразеологических словарей русского и чувашского языков, а также контексты, отобранные из фольклорных сборников.

Теоретической основой исследования стали труды Н. Н. Болдырева (2018), В. З. Демьянкова (2009), направленные на изучение языковой категоризации мира с точки зрения когнитивной лингвистики; работы С. Г. Воркачева (2004), В. И. Карасика (2002), Г. Г. Слышкина (2004), раскрывающие специфику взаимодействия языка и культуры; исследования Е. А. Сокур, И. В. Архиповой (2019) и А. В. Тихомировой (2013), посвященные анализу репрезентации «одежного» кода в аспекте русской языковой традиции. Отметим также ряд актуальных исследований концепта ОДЕЖДА, выполненных на материале французского (Кальщикова, 2024), английского (Тарасевич, 2019), немецкого (Овсиенко, 2023), итальянского (Николаева, 2023), калмыцкого и китайского (Мушаева, Навашева, Корнеева, 2021) языков.

Перевод чувашских примеров осуществлен автором данной статьи.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения материалов в процессе преподавания русского и чувашского языков, в разработке лингвокультурологических словарей, пособий по межкультурной коммуникации.

Обсуждение и результаты

Одежда занимает важное место в материальной культуре любого этноса. Обладая широким интерпретационным потенциалом, транслируя в своем семантическом пространстве ценности и представления народов, лексемы, называющие одежду, имеют в русском и чувашском языках различное метафорическое и ассоциативно-оценочное наполнение, что свидетельствует об уникальности и своеобразии каждой из сравниваемых культур. Данный тезис подтверждается некоторыми сравнительно-сопоставительными исследованиями семантики русских и чувашских языковых единиц, называющих обувь (Григорьева, 2025), головные уборы (Борисова, Григорьева, 2025), и оказывается в равной мере применимым к лексической категории «украшения и аксессуары».

Среди наименований аксессуаров и в русском, и в чувашском языках наиболее репрезентированными оказываются лексемы «пояс» и «ремень». **Пояс** (чув. *пиçиххи*) в обеих культурах традиционно ассоциируется с чистоплотным, аккуратным и порядочным человеком. Отсутствие пояса или нетугое его завязывание, напротив, соотносятся с неопрятностью, неряшливостью и даже глупостью: *Нашему распоясу не до плясу 'о бездарном человеке'* (Рыбникова, 1961, с. 67); *Беспоясому за пояс не положишь 'о глупом человеке'* (Рыбникова, 1961, с. 71); *Пилёкне хытй сых, йсна сирёп тыт* (ЧРС, 1985, с. 506). / «Подпоясываясь потуже, ве́ди себя поразумнее». Вероятно, по этой причине в русских диалектных словарях фиксируется большое количество дериватов, образованных от производящей основы «пояс», имеющих значение 'растрепанный, неаккуратный человек, разгильдяй': *беспоясица, беспоясник* (СРНГ, вып. 2, 1966), *распояса* (СРНГ, вып. 34, 2000). В русском диалектологическом фонде, кроме того, представлен ряд прозвищ, семантически указывающих на неподпоясанных людей: *кособрюхий* (СРНГ, вып. 15, 1979), *одергузень* (СРНГ, вып. 23, 1987), *свиногузый, свислогузый* (СРНГ, вып. 36, 2002) и др.

Известно, что в старину за пояс затыкали предметы, крайне необходимые в работе или дороге. Наиболее частотным при этом в русском языке оказывается указание на ношение топора, что ассоциируется с трудолюбием, усердностью, старательностью: *Как топор под пояс 'неустанно работать'* (СРНГ, вып. 44, 2011, с. 252); *Мужу не покор, что за поясом топор* (Рыбникова, 1961, с. 177). Отсюда и устойчивое сочетание *заткнуть за пояс* в значении 'превзойти в чем-л. соперника, противника' (Федоров, 2008).

Ношение каких-либо предметов за поясом в русской языковой традиции часто соотносится с рассеянностью и ассоциируется с невнимательными, расторопными людьми: *Рукавицы за поясом, а других ищет* (Даль, т. 1, 1989, с. 419); *Рукавиц ищет, а двои за поясом торчат* (Даль, т. 1, 1989, с. 419).

И в русской, и в чувашской языковых картинах мира наличие пояса свидетельствует о большом достатке, статусности, отсутствие же его – о нищете, бедности: *И гол, и наг, и без пояса* (Рыбникова, 1961, с. 172); *Пилёке кантарапа сыхакан кётүси пулнă, пиçиххипе сыхакан хуса пулнă* (ЧХП, 2007, с. 290). / «Пастух подпоясывается веревкой, хозяин – поясом».

Ремень (чув. *чён*) в сравниваемых языках ассоциируется с наказанием. Известны русские и чувашские устойчивые выражения со значениями 'наказать кого-л.' / 'быть наказанным': *ремня дать, ремни драсть* (СРНГ, вып. 35, 2001), *схватить ремня* (СРНГ, вып. 43, 2010), *ходить по ремешечку* (СРНГ, вып. 51, 2019) и *чён айёне хён теççё* (ЧХП, 2007). / «под ремнем тяжело».

В обеих культурах находит отражение концептуальная оппозиция «ремень – лыко», где лыко символизирует что-то доступное многим, а следовательно, и менее ценное, дешевое, в то время как ремень ассоциируется с богатством, дорогой вещью. Сравните: *Даровое лычко лучше купленного ремешка* (Даль, т. 2, 1989, с. 82); *Лычко с ремешком не связывайся* (Даль, т. 2, 1989, с. 253); *Чён патне – чён, пушăт патне – пушăт* (ЧХС, т. 5, 1984, с. 42). / «К ремню – ремень, а к лыку – лыко».

Только для чувашской языковой традиции свойственна ассоциативная параллель между ремнем и крепким здоровьем, выносливостью: *Чён нек пиçё* (Ашмарин, 2000). / «Выносливый как ремень».

Таким образом, межъязыковые отношения между русскими лексемами «пояс», «ремень» и соответствующими им чувашскими лексемами «пиçиххи», «чён» строятся по принципу пересечения, что подтверждается частичным совпадением переносных значений и ассоциативно-образных рядов.

Среди наименований украшений наиболее богатое языковое выражение получила русская лексема «лента». Это связано с тем, что данное украшение, будучи символом девичьей красоты, имеет определенное обрядовое назначение. Согласно русским традициям, его носили девушки до вступления в брак. Когда же приходило время выходить замуж, лента (обычно алая) выплеталась из косы девушки и отдавалась родителям, жениху или подругам. Само украшение имело название «девья красота», «красная красота» или «девья воля», а обряд именовался «раздать девью красоту» или «отдать волю».

Лента как символ девичьей красоты фигурирует в многочисленных текстах русского обрядового фольклора. Как правило, это народные песни в жанре причитания, содержание которых осложняется мотивом прощания с родным домом, родителями: *А я горькая, несчастная, / Умываюсь горючими слезами, / Нехорошо-то я сон видела, / Ходила я по крутой горе, / Потеряла из своей косы, / Потеряла ленту алую* (ФСМЗ, т. 1, 1997, с. 102).

Бусы (чув. *шăрса*) в чувашском языке ассоциативно соотносятся с богатством и достатком: *Шăтăк шăрса çёрте выртмасть* (ЧХС, т. 5, 1984, с. 42). / «Бусы на земле не валяются». Важным при этом оказывается указание на цвет изделия: бусы черного цвета, как правило, соотносятся со старостью, плохой жизнью, а белые или жемчужные – с молодостью, радостью, весельем: *Хура шăрса хушине йёпкён мерчен ан тирёр*. / «Не вдевайте жемчуг в черные бусы» (ЧХП, 2007, с. 201).

Нанизанные на веревку бусы в чувашской культуре часто сравниваются с человеческой жизнью, судьбой. Подтверждение этому находим в чувашских народных песнях: *Хаклă шăрсан ярăмё питё вăрăм. / Пуян сыннăн пурнăçё питё вăрăм. / Сарă шăрсан ярăмё питё кёске. / Чухăн сыннăн ёмёрё питё кёске* (ЧХС, т. 3, 1978, с. 57). / «Нанизанные дорогие бусы очень длинные. / Жизнь богатых людей очень длинная. / Нанизанные желтые бусы очень короткие. / Жизнь бедных людей очень короткая».

Подводя итог, следует отметить, что метафорическое наполнение и ассоциативно-оценочные характеристики лексемы «лента» были обнаружены только в русском языке. Лексема «шăрса» (рус. бусы), напротив, обладает интерпретационным потенциалом только в чувашской языковой традиции. Данное обстоятельство позволяет нам говорить о том, что межъязыковые отношения между русскими лексемами «лента», «бусы» и соответствующими им чувашскими лексемами «хăю», «шăрса» строятся по принципу лакуарности.

Кольцо (чув. *çёрё*) в русской языковой картине мира символизирует любовь, верность, неразрывность брачного союза: *Любовь – кольцо, а у кольца нет конца* (Даль, т. 2, 1989, с. 224); *У кольца да у венца не найдешь конца* (Даль, т. 2, 1989, с. 11). Важным при этом оказывается указание на металл, из которого сделано украшение. Наибольшую ценность в русских традициях представляет золотое кольцо: *Нет хлеба дороже, как в просвиरे, а золота, как в кольце* (Даль, т. 2, 1989, с. 40).

Кольцо в русской культуре обладает сакральным смыслом, поскольку данное украшение использовалось молодыми девушками в процессе гадания накануне Рождества. Данный ритуал имеет свое название – «хоронить золото». Согласно обычаю, в блюдо клали уголь, кусок сухой глины, щетку и кольцо. В случае если одна из гадающих вынимала уголь, глину или щетку, считалось, что ее ожидает трудная семейная жизнь; если же доставала кольцо, то полагалось, что девушка будет жить в семейном благополучии, радости и счастье.

В чувашской языковой традиции кольцо, как правило, ассоциируется с девушками, женщинами, причем наиболее частотным мотивом, связанным с данной лексемой, оказывается мотив щегольства, хвастовства: *Апра сирём пурне пулинчё, кашине çёрё тăхăнтăм* (Ашмарин, 2000). / «Жаль, что на руках не двадцать

пальцев, на каждый палец надеда бы по кольцу». Отметим, что для чувашской культуры кольцо ценно само по себе, вне зависимости от металла, из которого оно изготовлено. Однако наиболее часто встречающимся становится определение «серебряное».

И в русском, и в чувашском языках кольцо олицетворяет влюбленных молодых людей: *Отдала с руки колечко, / Веселит мое сердечко, / Ай ну, ретивое* (ПП, 1963, с. 109); *Йёс карупка йиёне / Кёмёл сёрё сүти пур. / Куш хупсан, куш умёне, / Савни, санён сәну пур* (ЧХС, т. 3, 1978, с. 399). / «В медной шкатулке / Свет от серебряного кольца. / Когда закрываю глаза, возле меня, / Любимый друг, твой образ». В контекстах, повествующих о неудачах в личной жизни, кольцо, подобно душе человека, тускнеет, чернеет, становится непригодным для носки: *В зимню ночку на руке / Распаялося кольцо, / А как нынешней весной / Разлюбил меня милой* (РП, 1952, с. 133); *Вата пурнери кёмёл сёрё пурне вёне тёрса юлчё, чун савнипе пуплесси виç сәмах вёне тёрса юлчё* (Ашмарин, 2000). / «Серебряное кольцо на среднем пальце стало мало, разговор с любимым другом оборвался на трех словах».

Только для чувашской языковой картины мира свойственна концептуальная оппозиция «кольцо – рука», где рука олицетворяет что-то ценное, необходимое, а кольцо, напротив, – незначительное, неважное: *Алăсăр сёрё илёртмест* (ЧХП, 2007, с. 194). / «Без руки кольцо не радуется».

Таким образом, межъязыковые отношения между русской лексемой «кольцо» и соответствующей ей чувашской лексемой «сёрё» строятся по принципу пересечения, что подтверждается частичным совпадением ассоциативно-образных рядов.

Заключение

Лексическая категория «украшения и аксессуары» имеет в русском и чувашском языках широкую языковую репрезентацию. Анализируемые в статье лексемы характеризуются богатством ассоциативно-образных связей, заключаю в своем семантическом пространстве культурно значимую информацию, раскрывающую ценности и идеалы народов.

Проведенное исследование позволило выявить универсальные и национально-культурные особенности репрезентации лексической категории «украшения и аксессуары», а также определить типы межъязыковых отношений между рассматриваемыми лексемами.

К универсальным чертам языковой репрезентации следует отнести то, что лексема «пояс» (чув. писиххи) ассоциируется с чистоплотным, аккуратным человеком, а наличие данного аксессуара у человека свидетельствует о большом достатке. Ремень (чув. чён) в русском и чувашском языках семантически связан с наказанием. В обеих культурах находит яркое выражение концептуальная оппозиция «ремень – лыко».

Яркой национально-культурной особенностью русской языковой картины мира является то, что лексема «лента» символизирует девичью красоту, юность, часто фигурируя при этом в текстах народных песен в жанре причитания. Для чувашской культуры свойственна широкая репрезентация лексемы «шәрса» (рус. бусы), ассоциирующейся с богатством. Важное значение при этом имеет указание на цвет изделия. Нанизанные бусы в чувашском фольклоре часто сравниваются с жизнью, судьбой человека.

Межъязыковые отношения между русскими лексемами «пояс», «ремень», «кольцо» и соответствующими им чувашскими лексемами «писиххи», «чён», «сёрё» строятся по принципу пересечения. Русская лексема «лента» и чувашская лексема «шәрса» (рус. бусы) обладают интерпретационным потенциалом только в одном из сравниваемых языков, что свидетельствует о таком типе межъязыковых отношений, как лакуарность.

Перспективы исследования проблемы видятся в дальнейшем изучении особенностей репрезентации «одежного» кода в аспекте культурного и языкового разнообразия.

Материалы исследования | Research materials

1. Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка: в 17 т. Чебоксары: Руссика, 2000. <https://ru.samahsar.chuvash.org/dict/8.html>
2. Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2 т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 1-2.
3. Песни Печоры / отв. ред. Н. П. Колпакова. М. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1963 (ПП).
4. Русские песни / сост. проф. Ив. Н. Розанов. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952 (РП).
5. Рыбникова М. А. Русские пословицы и поговорки. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961.
6. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. Л. – СПб.: Наука, 1966-2019. Вып. 2, 15, 23, 34-36, 43-44, 51 (СРНГ).
7. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008.
8. Фольклорные сокровища московской земли: в 4 т. / ред. В. М. Гацак, В. М. Бахтина, Т. М. Ананичева. М.: Наследие, 1997-2001. Т. 1. Обряды и обрядовый фольклор (ФСМЗ).
9. Чувашско-русский словарь / под ред. М. И. Скворцова. М.: Русский язык, 1985 (ЧРС).
10. Чăваш халăх пултарулăхĕ. Ватисен сăмахĕсем / О. Н. Терентьева пухса хатĕрленĕ. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательствĕ, 2007 (ЧХП) (Чувашское устное народное творчество. Пословицы / сост. О. Н. Терентьева. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2007).
11. Чăваш халăх сăмахлăхĕ: в 6 т. / отв. ред. Г. Ф. Юмарт. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательствĕ, 1978-1984. Т. 3. Юрăсем. Т. 5. Вак жанрсем (ЧХС) (Чувашское устное народное творчество: в 6 т. / отв. ред. Г. Ф. Юмарт. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1978-1984. Т. 3. Песни. Т. 5. Пословицы).

Источники | References

1. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской культуры, 2018.
2. Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2.
3. Борисова Л. В., Григорьева Е. А. Головной убор как элемент лингвокультурного кода нации (на материале русского и чувашского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. Вып. 3. <https://doi.org/10.30853/phil20250139>
4. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004.
5. Воробьев В. В. Лингвокультурология. М.: РУДН, 2006.
6. Григорьева Е. А. Репрезентация лексической категории «Обувь» в русской и чувашской языковых картинах мира // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2025. № 1 (126). <https://doi.org/10.37972/chgpu.2025.126.1.002>
7. Демьянков В. З. «Концепт» в философии языка и в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. 2009. № 1.
8. Кальщикова А. А. Номинативное поле концепта ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА как объект исследования диахронической концептологии (на материале французского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 9. <https://doi.org/10.30853/phil20240468>
9. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
10. Мушаева О. К., Навашева В. А., Корнеева А. Х. Национальная одежда в калмыцкой и китайской лингвокультурах // Вестник Калмыцкого университета. 2021. № 3 (51). <https://doi.org/10.53315/1995-0713-2021-51-3-114-125>
11. Николаева М. Н. Итальянские пословицы с компонентом «ОДЕЖДА»: когнитивный аспект // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3-1 (54).
12. Овсиенко Т. В. Языковая репрезентация понятийного компонента концепта Volkstracht в немецкой лингвокультуре // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 5 (102). <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-5102-338-340>
13. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография. Волгоград: Перемена, 2004.
14. Сокур Е. А., Архипова И. В. Особенности лингвокультурного концепта «одежда» в русском языке // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2019. № 4 (247).
15. Тарасевич Н. А. Лингвокультурный код «Одежда» в современном английском языке // Лингвокультурное образование в системе вузовской подготовки специалиста. 2019. Т. 1. № 4 (12).
16. Тихомирова А. В. Ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика наименований одежды в русской языковой традиции: автореф. дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 2013.

Информация об авторах | Author information

Григорьева Евгения Андрьяновна¹¹ Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары**Evgeniya Andriyanovna Grigorieva¹**¹ Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, Cheboksary¹ zhenya24.98@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.08.2025; опубликовано online (published online): 05.09.2025.

Ключевые слова (keywords): лексическая категория «украшения и аксессуары»; национально-культурные особенности; репрезентация «одежного» кода; типы межъязыковых отношений; языковая картина мира; lexical category “jewelry and accessories”; national-cultural features; representation of the “clothing” code; types of interlingual relations; linguistic worldview.